

Элеонора Максвелл

Идеальный
МУЖЧИНА

ПО КОНТРАКТУ

КОНТРАКТ

18+

Элеонора Максвелл

Идеальный мужчина по контракту

«Автор»

2026

Максвелл Э.

Идеальный мужчина по контракту / Э. Максвелл — «Автор»,
2026

«Идеальный мужчина по контракту» – это роман для ценителей качественной прозы на стыке психологической драмы и откровенной эротики. Успешный архитектор Марго, выстроившая идеальную жизнь после болезненного развода, заказывает услуги элитного «Исполнителя желаний» Лео. Она жаждет воплотить свои самые потаённые фантазии в абсолютно контролируемых сценариях. Однако встреча с харизматичным профессионалом, бывшим психологом, стирает все границы. Их отношения из холодной игры «клиент-исполнитель» превращаются в опасную битву амбиций, травм и неукротимого влечения. Этот напряжённый роман 18+ — не просто о страсти. Это исследование доверия, страха потери контроля и мучительного пути к настоящей близости. Марго и Лео вступают в сложную игру, где правила постоянно меняются, а на кону стоят их психологические защиты и шанс на исцеление.

© Максвелл Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Элеонора Максвелл

Идеальный мужчина по контракту

Глава 1

Комната напоминала стерильную лабораторию или лофт на обложке архитектурного журнала. Высокие потолки с открытыми балками, бетонные стены, окрашенные в мягкий серый цвет, и единственный огромный панорамный окно, затянутое полупрозрачной римской шторой. Вечернее солнце пробивалось сквозь ткань, рассеиваясь в пыльном золотом свете и рисуя на полированном бетонном полу длинные, расплывчатые прямоугольники. Воздух пах озоном от кондиционера, свежей краской и легким, ни к чему не обязывающим ароматом бергамота в диффузоре. Ни лишних деталей, ни следов чьей-либо жизни. Идеальный нейтральный фон.

Марго стояла у окна, спиной к свету, что окутывало ее силуэт легким ореолом, но скрывало черты лица. Она сознательно выбрала эту позицию — небольшая режиссерская подсказка самой себе, преимущество в освещении. На ней была не рабочая униформа — строгий блейзер и брюки, — а то, что она мысленно называла «костюмом для роли»: простое платье-футляр из темно-синего шелка, облегающее, но не кричащее, с разрезом до середины бедра. Каблуки — достаточно высокие, чтобы вытянуть линию ноги, но не настолько, чтобы потерять устойчивость. Ее каштановые волосы были убраны в тугий, безупречный узел на затылке. Каждый элемент был продуман, как чертеж фасада.

«Идеальный вакуум, — пронеслось в ее голове. — Ничто не отвлечет от процесса. Ничто не выйдет из-под контроля».

Ее пальцы, лежащие на прохладной поверхности стола из натурального дерева, слегка дрожали. Она сжала их в кулак, потом разжала, заставляя мышцы расслабиться. Волнение было дозволено. Даже необходимо. Но только то волнение, что описано в сценарии: «легкое нервное возбуждение перед встречей с незнакомцем». Настоящий, дикий страх, сверлящий под ложечкой — страх оказаться смешной, уязвимой, непонятой, — этот страх был замурован глубоко внутри, в бетонный саркофаг, залитый сталью ее воли.

Дверь открылась без стука.

Он вошел так, как было оговорено в предварительной, сухой переписке с агентством: точно в назначенное время. Лео.

Марго позволила себе медленно, оценивающе оглядеть его. Он соответствовал представленным данным: рост около шести футов, спортивное телосложение, но без преувеличенной, пугающей мускулистости. Одет просто — темные хорошо сидящие джинсы, серая футболка из тонкого хлопка, подчеркивающая рельеф груди и плеч, мягкая кожаная куртка. Никакой вычурности. Его лицо... приятное. Не ослепительно красивое, что могло бы отвлекать, но с правильными, сильными чертами: решительный подбородок, прямой нос, губы, которые в состоянии покоя казались чуть насмешливыми. Но главное — глаза. Светлые, серо-зеленые, как морская вода в пасмурный день. Они смотрели на нее прямо, спокойно, без подбострастия наемника и без наглого оценивания. Они просто фиксировали.

«Профессионал, — констатировал внутренний голос Марго. — Хорошо. Так и должно быть».

— Марго? — Его голос был таким, каким она его представляла по короткому телефонному разговору: низким, бархатистым, с легкой хрипотцой. Управляемым.

— Да. Проходите. Вы ознакомились с материалами? — Ее собственный голос прозвучал чуть выше, чем ей хотелось бы. Она прочистила горло.

— Досконально. — Он сделал несколько шагов вглубь комнаты, оставляя между ними дистанцию в три метра — безопасную, не вторгающуюся в личное пространство. — «Первая встреча в баре премиум-класса. Нейтральная, но располагающая обстановка. Цель — воссоздать химию случайного притяжения с элементами легкой игры и последующим переходом к интимному контакту в условиях условной публичности». — Он процитировал вводный абзац ее же сценария, и от этого у нее екнуло внутри. Слышать свои тщательно выверенные, сухие фразы из его уст было странно и... возбуждающе. Он продолжил: — Уточню момент с «условной публичностью». Мы одни в помещении. Вы хотите, чтобы я играл, как будто вокруг есть другие люди, ограничивающие наши действия, или фокус исключительно на наших персонажах?

— Второе, — быстро ответила Марго, сглатывая. — Публичность — лишь внутреннее ощущение сдержанности. Фантомные наблюдатели.

Он кивнул, как ученик, усвоивший урок.

— Тогда, если вы готовы, мы можем начать. Сейчас 19:05. По сценарию, встреча происходит в 20:00. У нас есть время на погружение.

Он не спрашивал, зачем ей это. Не задавал лишних вопросов. Просто готов был выполнять свою работу. Это было идеально.

— Хорошо, — Марго взяла со стола стопку листов формата А4 — распечатанный и разбитый по времени сценарий. — Мы начинаем с того, что вы замечаете меня за стойкой бара. Я пью вино. Вы подходите, опираетесь на стойку слева от меня. Пауза в три секунды. Затем говорите: «Извините, не подскажете, который час?». Вот ваш реплика.

Она протянула ему листы. Он взял их, их пальцы не соприкоснулись. Он бегло просмотрел страницы, его взгляд скользнул по строчкам. Марго наблюдала, как он читает. Он делал это медленно, вникая. На страницах было все: не только слова, но и пометки о микрожестах («взгляд скользит по шее», «палец проводит по краю бокала»), о предполагаемых эмоциях («любопытство, сдобренное скепсисом», «нарастающий интерес»).

— Детально, — произнес он наконец, и в его голосе она уловила не критику, а констатацию. — Вы архитектор?

— Да, — удивилась она. — А вы?

— Я — то, что вам нужно, — ответил он, поднимая на нее глаза. В них мелькнула искорка — не наглости, а скорее интеллектуального вызова. Он видел в сценарии не просто инструкцию к действию, а схему. Он понял это.

Марго почувствовала странный прилив тепла к щекам. Она отбросила это ощущение.

— Тогда начнем. Стойкой бара будет этот стол. Я здесь.

Он отложил сценарий в сторону — к ее ужасу и облегчению одновременно. Он запомнил? Или будет импровизировать? Но, прежде чем она успела спросить, он уже вышел из «кадра», за пределы ее поля зрения, к входной двери.

Она повернулась к воображаемой стойке, положила ладонь на прохладную древесину, представив в руке бокал. Сердце забило сильнее. Это была всего лишь репетиция. Пробный прогон. Ничего реального.

Шаги. Мягкие, уверенные. Он приблизился с левой стороны, как и было предписано. Она почувствовала его присутствие прежде, чем увидела периферийным зрением: тепло, исходя-

щее от тела, легкое возмущение воздуха. Он оперся на стол локтем, повернувшись к ней на три четверти. Пауза. Ровно три секунды, которые она отсчитывала по ударам пульса в висках.

— Извините, не подскажете, который час? — произнес он. И все изменилось.

Голос его стал другим — тем же по тембру, но в него добавилась легкая, едва уловимая усталость от долгого дня, тень смущения от того, что он отвлекает незнакомку. Это было не просто чтение строчки. Это была жизнь, воплощенная в слова.

Марго, по сценарию, должна была медленно повернуть голову, оценивающе взглянуть на него, потом на свои воображаемые часы. Она сделала это.

— Без пятнадцати восемь, — произнесла она, и ее собственный голос прозвучал чересчур театрально на фоне его естественности.

Он улыбнулся. Не широко, а лишь одним уголком рта. Это тоже было в сценарии. Но в его глазах появилось что-то еще — мимолетная искра интереса, которая была настолько убедительна, что Марго на секунду забыла, где она и кто он.

— Спасибо. Вы, кажется, единственный здесь, кто не смотрит в экран телефона, — сказал он следующую реплику, и его взгляд мягко скользнул по ее лицу, затем вниз, к линии плеч, к руке, лежащей на «стойке». Это был взгляд, который не только видел, но и осязал. Марго почувствовала, как по ее коже, под шелком платья, пробежали мурашки.

Диалог продолжался. Он спрашивал о вине, которое она «пьет», делился парой незначительных наблюдений о музыке, якобы звучащей в баре. Каждая его реплика, каждый жест были технически безупречны и... пугающе правдоподобны. Он не играл заинтересованного мужчину. Он *был* им. И что хуже всего, Марго начала реагировать. Ее ответы становились менее заученными, в ее собственном тоне появились нотки настоящего, легкого флирта. Она ловила себя на том, что следит не за временем или следующим пунктом сценария, а за движением его губ, за тем, как напрягается ткань футболки на его груди, когда он делает вдох.

«Стоп. Это не часть договора. Ты заказчик. Ты контролируешь сцену», — прошипел внутренний критик.

Они дошли до момента, обозначенного в сценарии как «Перелом. Физический контакт инициативен со стороны Исполнителя».

— ...иногда кажется, что весь этот шум — просто фон для того, чтобы люди не слышали, о чем молчат, — произнес он свою реплику, и его взгляд стал глубоким, проникающим.

Затем он сделал то, что было предписано. Медленно, давая ей время отпрянуть, он поднял руку и коснулся ее запястья — того места, где под тонкой кожей бился частый, птичий пульс.

Прикосновение было теплым, сухим, невесомым. Но для Марго оно прозвучало как гонг. Электрический разряд прошел от точки касания по всем нервным окончаниям, ударив в основание позвоночника и рассыпавшись горячими искрами в животе. Она замерла. Ее дыхание перехватило.

В сценарии было написано: «Реакция Клиента — легкий вздрагивание, затем расслабление. Взгляд опускается на губы Исполнителя».

Она вздрогнула. Это вышло непроизвольно, слишком сильно. Расслабиться не получилось. Каждое ее мышечное волокно было натянуто как струна. Но взгляд... взгляд сам пополз вниз, к его губам. Они казались удивительно мягкими для такого твердого лица.

— Марго? — произнес он, но уже не как персонаж. Это был Лео, «Исполнитель», проверяющий, все ли в порядке.

Она кивнула, не в силах вымолвить слово. Ее горло сжалось.

— Далее по сценарию, — мягко напомнил он, и в его голосе снова появились интонации человека из бара. Его пальцы слегка сдвинулись, обхватывая ее запястье чуть плотнее, большой палец провел по чувствительной внутренней стороне. — Вы здесь одна?

Это была следующая реплика. Она должна была ответить: «А это имеет значение?»

Но вместо этого она просто выдохнула: «Да».

Он наклонился ближе. Пространство между ними растворилось, заполнилось его запахом — чистый мужской пот, дорогой древесный аромат парфюма, что-то неуловимо острое, почти металлическое. Запах реальности, врывающийся в ее стерильный мир.

Его губы коснулись ее губ. Сначала едва, вопросительно, как и было предписано в сценарии для «первого, пробного контакта». Но Марго, нарушив все свои же правила, ответила на это прикосновение. Ее рот приоткрылся в тихом, непроизвольном вздохе. И все изменилось.

Прикосновение превратилось в поцелуй. Не тот, что был прописан в пункте 14б («умеренное давление, продолжительность 5-7 секунд»). Это был глубокий, исследующий, влажный поцелуй, который высасывал из нее воздух и разум. Его рука отпустила запястье и скользнула ей на талию, притягивая ее к себе. Его тело было твердым, горячим, невероятно реальным через тонкий шелк ее платья. Другая его рука коснулась ее шеи, пальцы запустились в волосы у виска, нарушив безупречную линию прически.

Мир сузился до ощущений: скольжение его языка, вкус кофе и мяты, жесткость его грудных мышц под ее ладонями (когда она их туда подняла? она не помнила), глубокий, подавленный стон, который издал он где-то в горле.

Он вел, а она... плыла. Контроль, этот ее верный щит и тюремщик, рассыпался в прах под натиском чистой, животной чувственности. В голове не осталось мыслей, только белый шум и нарастающий гул желаний, которое она так долго держала на голодном пайке.

Его губы отошли от ее рта, переместились на линию челюсти, затем вниз, к шее. Горячее дыхание обожгло кожу. Его зубы слегка зацепили мочку уха, и она вскрикнула — коротко, постыдно громко в тишине студии.

— Здесь? — прошептал он ей в ухо, и его голос был хриплым от страсти, уже почти неотличимым от голоса персонажа. Его рука с ее талии скользнула вниз, на бедро, нашел разрез на платье. Теплая ладонь легла на обнаженную кожу ее бедра, чуть ниже края шелкового белья.

Этот контакт, прямой, лишенный преград, вернул ей частицу рассудка. Вместе с ледяным ужасом.

«Что ты делаешь? Он наемник. Он играет. Это все по твоему же сценарию!»

Она отпрянула так резко, что чуть не потеряла равновесия. Его руки мгновенно отпустили ее, дав пространство. Они стояли друг напротив друга, оба тяжело дыша. Ее губы горели, платье съехало с плеча, волосы выбились из узла. Она видела свое отражение в темном стекле панорамного окна — растрепанную, разгоряченную женщину с бешено бьющимся сердцем. Позорная картина потери контроля.

Он же стоял, слегка склонив голову, наблюдая. Его дыхание тоже сбилось, но в глазах уже не было той всепоглощающей страсти. Была осторожность, внимание и... что-то еще. Что-то похожее на понимание. Как будто он только что прочитал в ней целую книгу.

— Мы вышли за рамки сценария, — тихо сказала Марго, поправляя платье дрожащими руками. Голос ее звучал хрипло и обвиняюще.

— Да, — просто согласился он. — Вышли.

— Этого не должно было случиться.

— Но это случилось. — Он не извинился. Он просто констатировал факт.

Марго закрыла глаза на секунду, собирая осколки своей обороны. Она подошла к столу, взяла стопку со сценарием. Бумага была холодной и жесткой под пальцами. Реальность.

— На сегодня достаточно, — произнесла она, уже почти своим обычным, деловым тоном. — Я... пришлаю корректировки по сценарию. И уточнения по границам.

Он кивнул.

— Я буду ждать. До свидания, Марго.

Он повернулся и ушел так же тихо, как и вошел. Дверь закрылась за ним с мягким щелчком.

Она осталась одна в огромной, тихой комнате, где воздух теперь казался густым от запаха их обоих, от витавшей здесь минуту назад животной страсти. Она медленно опустилась на стул, положив ладони на стол. Они все еще дрожали.

Это была всего лишь репетиция. Первая встреча. Пробный шар. Но что-то треснуло. Что-то глубоко внутри ее бетонной крепости дало тончайшую, но неумолимую трещину. И самое страшное было даже не в том, что он коснулся ее. А в том, что ей отчаянно, до боли в груди, хотелось, чтобы он вернулся и сделал это снова. Не по сценарию. А просто так.

Она посмотрела на свои ногти с идеальным маникюром, упиравшиеся в дерево. «Ничего, — сказала она себе. — Все под контролем. Это можно исправить. Нужно лишь прописать правила четче».

Но внутри, в том самом месте, которое сжалось от горячего прикосновения его ладони на бедре, тихо звучал другой голос: «А что, если нет?»

Глава 2

Студия «Эврики» осталась позади, за тяжелой металлической дверью с кодовым замком. Улица встретила Марго банальностью вечернего города: гул машин, смешанные запахи асфальта, кофеен и выхлопных газов, безразличные лица прохожих. Воздух был прохладным и резким после стерильной, нагретой атмосферы той комнаты. Он обжег ее разгоряченные легкие, вернув к реальности.

Она шла быстро, почти бежала, ее каблук отстукивали по плитке тротуара резкий, не терпящий возражений ритм. Она пыталась встроить этот стук в привычный внутренний метроном — «все-под-контролем, все-под-контролем», но он сбивался, путался с бешеным биением ее сердца. В ушах все еще звенела тишина, наступившая после щелчка закрывшейся двери. На губах — призрачное, стыдное жжение. На бедре, под шелком, словно горел отпечаток его ладони.

«Идиотка. Непрофессионально. Невыносимо глупо», — долбила мысль, острая и ясная, как скальпель. Она сжала сумку с портфелем так, что костяшки пальцев побелели. В портфеле лежал тот самый сценарий, его бумажные листы теперь казались ей свидетельством ее наивности. Она купила фантазию, а получила... что? Всплеск гормонов? Хорошо исполненную роль?

Но ее тело, предательское и молчаливое, помнило иное. Оно помнило не игру, а подлинность его реакции, тот стон, тот мгновенный, животный отклик на ее ответный поцелуй. Нет, он не просто исполнял. Или исполнял настолько блестяще, что сбил с толку ее саму. Оба варианта были невыносимы.

Она добралась до своего дома — современного жилого комплекса со стеклянным фасадом, холодного и сверкающего, как кристалл. Консьерж кивнул ей с безличной вежливостью. Лифт, обшитый полированной сталью, беззвучно вознес ее на двадцать второй этаж. Она смотрела на свое отражение в матовых дверях: прямая спина, подобранные волосы (она кое-как восстановила узел в такси), безупречный макияж.

Ключ щелкнул в электронном замке. Дверь открылась бесшумно, впуская ее в ее вселенную.

Ее квартира была не жилищем, а воплощенной в бетоне, стекле и свете концепцией. Пространство, разделенное не стенами, а мебелью, светом и уровнями пола. Доминировали белый, серый, черный. Яркие пятна — две абстрактные графические работы в тонких рамках, единственная орхидея на длинном консольном столе. Все линии были прямыми, все углы — в девяносто градусов. Безупречный порядок. Ни пылинки. Тишина, настолько густая, что в ней звенело.

Она сбросила каблук на специальную полку, поставила сумку на строго отведенное место. Действия были выверены, ритуализированы. Так она возвращала себе почву под ногами.

Но сегодня ритуал не сработал. Тишина квартиры не успокоила, а усилила шум в голове. Она прошла в спальню — столь же минималистичную, с кроватью-платформой, застеленной бельем цвета слоновой кости, и панорамным окном во всю стену. Вид на ночной город, на россыпи огней, должен был внушать чувство превосходства, контроля. Сегодня он казался бесконечно далеким и чужим.

Она подошла к встроенному шкафу-невидимке, нажала на панель. Дверь отъехала, обнажив ряды одежды, развешанной по цвету и типу. Все идеально. Как в музее.

И тут ее взгляд упал на одинокий, темный предмет, висевший в самом конце, почти в тени. Старый, потрепанный халат из мягкой темно-бордовой ткани. Он висел там годами. Она его не носила. Не выбрасывала.

Марго медленно протянула руку, коснулась ткани. Она была пушистой, теплой на ощупь, вопреки прохладе в квартире. И запах... не ее парфюм, не запах свежести. Глубокий, едва

уловимый, знакомый до спазма в горле запах старой кожи, дорогого табака и чего-то медицинского, антисептического. Запах Дмитрия.

Ее мужа. Бывшего мужа.

Пальцы сами сжали ткань. Она притянула халат к лицу, зажмурилась. И стены ее безупречной квартиры поплыли, растворились, уступив место призракам.

Три года назад. Их спальня в старом, «сталинском» доме с лепниной.

Квартира не в стиле минимализма, а «элегантный хаос». Книги везде, его чертежи и ее эскизы на одном столе, две разные чашки на прикроватных тумбах. Она только что вернулась с победоносной презентации — ее бюро выиграло тендер на крупный культурный центр. Она была на седьмом небе, полна энергии, желания праздновать, делиться, быть.

Дмитрий пришел поздно, уже после десяти. Усталый, с темными кругами под глазами, с тем особым, отстраненным выражением лица, которое появлялось у него после сложных операций. Он словно все еще находился внутри человеческого тела, с которым только что работал.

— Дима, ты не представляешь! — набросилась она на него еще в прихожей, помогая снять пальто. — Комиссия была в восторге от идеи со световыми колодцами! Мы обошли всех, даже студию Бризеля!

— Молодец, — произнес он рассеянно, проводя рукой по лицу. — Ужин есть?

— Да, конечно. Я хотела... мы могли бы открыть то шампанское? В честь...

Он уже шел на кухню, не дослушав. Она последовала за ним, чувствуя, как пузырящаяся в ней радость начинает оседать, как плоский лимонад.

За ужином он ел молча, уставившись в пространство. Она пыталась рассказывать детали, делиться планами. Он кивал, мычал что-то в ответ. Потом вдруг сказал:

— Кстати, видел твой макет в журнале. Интересно. Хотя, конечно, для нашей реальности утопично. Кто будет содержать эти твои стеклянные дворцы?

Фраза прозвучала не со зла. С усталой снисходительностью. Как констатация факта. Но для нее это было как удар тупым предметом по солнечному сплетению. «Твои стеклянные дворцы». Он всегда так: «твои игрушки», «твои бумажные домики». В его мире были жизни, спасенные и потерянные, плоть, кровь, ответственность за жизни. Ее мир архитектуры был для него... декорацией.

— Это не утопия, — тихо сказала она, откладывая вилку. — Это среда, которая меняет качество жизни людей.

— Конечно, конечно, — он махнул рукой, закончил есть и встал. — Я спать. Десятичасовая плановая операция на сердце завтра.

Он ушел в спальню. Она осталась сидеть за столом, смотря на его пустую тарелку. Праздник был отменен. Опять.

Позже, ночью, она подошла к нему. Ей невыносимо хотелось связи, подтверждения того, что они — одна команда, что он гордится ею, что он ее видит. Не архитектора Соколову, а Марго. Она прижалась к его спине, обняла, провела губами по его плечу.

— Дмитрий...

Он вздохнул, не оборачиваясь.

— Марго, я очень устал. Давай завтра.

— Я просто хочу, чтобы ты... — она не знала, как сформулировать. «Чтобы ты захотел меня». Это звучало бы унижительно.

— Ты чего-то хочешь, — он перевернулся на спину, глядя в потолок. Его лицо в лунном свете было прекрасным и холодным, как мраморная маска. — Всегда ты чего-то хочешь. Эмоций, внимания, спектакля. Нельзя просто быть? Тишины не хватает в операционной, так хоть дома...

Он не договорил, но она дописала: «...чтобы ты ее не нарушала».

Она отстранилась, чувствуя, как жгучий стыд и боль поднимаются к горлу. Ее желание, ее попытка близости были объявлены «спектаклем», назойливой потребностью. Она легла на спину, уставившись в тот же потолок, отдаляясь от него сантиметр за сантиметром, пока между ними в огромной кровати не образовалась ледяная, непроходимая пустота.

Так было часто. Ее инициатива натывалась на его усталость или сарказм. Ее успехи — на его скепсис. Ее потребность в эмоциональном контакте — на его потребность в тишине. Она начала сомневаться в себе. Может, она и вправду слишком требовательна? Слишком громка? Слишком... ненасытна?

Однажды, уже ближе к концу, она попробовала другое. Она прочла статью о том, как важно разнообразие в интимной жизни. Она купила новое белье, устроила ужин. Когда они оказались в постели, она попыталась быть более активной, экспериментальной. Она хотела поразить его, разбудить. Она сбросила с себя одеяло, села на него сверху, прижала его руки к подушке — жест, который казался ей смелым, освобождающим.

Он замер. Потом открыл глаза и посмотрел на нее. В его взгляде не было ни страсти, ни удивления. Была холодная, клиническая оценка. И легкая брезгливость.

— Марго, что это? — спросил он спокойно. — Откуда такие порывы? Ты же не в порно, в конце концов. Спустишь. Давай как обычно.

«Как обычно». Быстро, функционально, почти беззвучно. Чаще всего в темноте. Чтобы не видеть лиц.

Она сползла с него, натянула на себя простыню, свернулась калачиком. Внутри все кричало от унижения. Он отверг не только ее действие — он отверг сам импульс, саму ее попытку вырваться из скучной, безопасной схемы. Он назвал это «порывом», «порно». Осквернил.

Через неделю она нашла в его телефоне переписку с той самой ассистенткой. Молодой, тихой, смотрящей на него снизу вверх с благоговением. Его сообщения были полны теплоты, которой она у него так и не дождалась: «Ты сегодня была блестяща на ассистировании», «Как твоя головная боль, прошла?», «Спасибо, что понимаешь, как я устаю».

Последняя капля была не в измене как таковой. Она была в тоне. В той самой нежности, в которой он ей отказывал, называя ее «спектаклем».

На их последнем разговоре он был удивительно спокоен.

— Мы просто разные, Марго. Тебе нужны постоянные впечатления, события. Мне — покой и тихий уголок. Она... она дает мне этот покой. Она не требует.

— А я требую? — спросила она, и голос ее был хриплым от слез, которых она не позволит себе пролить при нем.

— Ты требуешь постоянного подтверждения. Что ты красива, успешна, желанна. Это утомительно. Я устал быть зеркалом для твоего эго.

Он ушел, оставив ей эту фразу как диагноз и приговор. И халат, забытый в шкафу.

Настоящее. Ее безупречная спальня.

Марго отпустила ткань. Халат безжизненно повис на вешалке. Она закрыла дверцу шкафа, отрезав призрак.

Она стояла, глядя на свое отражение в черном стекле окна. Теперь она понимала. Дмитрий выстроил в ней тюрьму, а она, своими руками, достроила из нее крепость. Если желание — слабость, она его искоренит. Если спонтанность ведет к унижению, она ее запретит. Если близость — это боль от потери контроля, она никогда больше не потеряет контроль.

Она подошла к зеркалу в полный рост, встроенному в стену. Смотрела на женщину в дорогом шелковом платье, с безупречной прической и пустым взглядом.

— Ты не требовала подтверждений, — тихо сказала она своему отражению. — Ты требовала любви. И это было ошибкой. Больше — никогда.

Она разделась, аккуратно сложила платье, повесила его. Надела строгий шелковый комплект пижамы. Умылась, смыла макияж, тщательно нанесла крем. Все движения были экономичными, лишены лишнего смысла.

Легла в кровать. Тело помнило другие прикосновения — сегодняшние, грубые и настоящие. Оно отзывалось тупой, предательской пульсацией внизу живота. Она сжала зубы, перевернулась на бок, уставившись в серую стену.

«Исполнитель желаний», — всплыло в памяти.

Она купила его услуги, чтобы вернуть себе право на фантазию, но в безопасной, контролируемой упаковке. Чтобы, наконец, получить те «постоянные впечатления», в которых ее обвиняли, но так, чтобы ни одна живая душа не могла посмеяться над ее «порывами». Чтобы быть желанной, не рискуя быть отвергнутой.

А он... он разрушил это в первую же встречу. Не своей игрой, а своей подлинностью в моменте. Он увидел в ней не клиента с чеком, а женщину, которая дрожит. И ответил на эту дрожь не как актер, а как мужчина.

Это было страшнее всего. Потому что это означало, что ее система не работает. Что контроль — иллюзия. Что ее тело, ее душа все еще живы под слоями бетона и стали. И что кто-то может это живое найти, коснуться... и снова причинить невыносимую боль.

Она натянула одеяло до подбородка, закрыла глаза. Приказ мозгу: «Спать».

Но под веками продолжал стоять его образ: серо-зеленые глаза, смотрящие на нее без усмешки, без оценки. Смотрящие, как будто он что-то в ней прочитал. Что-то, о чем она и сама боялась себе признаться.

Ее рука сама потянулась к тумбочке, к телефону. Она открыла почту, нашла письмо от агентства «Эврика» с подтверждением заказа и контактами. Палец завис над кнопкой «Ответить».

Она могла отменить. Все. Вернуть деньги. Замуровать трещину, пока не стало поздно.

Но вместо этого ее пальцы начали печатать новое письмо. На профессиональный, нейтральный ящик Лео.

Тема: Уточнения к сценарию №1.

Текст: «Прошу считать сегодняшнюю сессию нулевой, ознакомительной. Прилагаю корректировку основного сценария «Встреча в баре». А также предварительное описание сценария №2: «Врач и пациентка». Требуется более глубокая психологическая проработка роли со стороны Исполнителя. Готовность к импровизации в рамках заданных границ приветствуется.

Предлагаю встречу через три дня, в 19:00. Подтвердите, пожалуйста, получение и вашу готовность. С уважением, М.С.»

Она перечитала. Сухо. Деловито. Без намека на ту слабость, что сквозила между строк. Она снова брала контроль в свои руки. Прописывала правила четче. Границы жестче. Она не отступала. Она адаптировалась. Как хороший архитектор, вносящий поправки в проект после первых испытаний нагрузок.

Она отправила письмо. Поставила телефон на беззвучный режим. Повернулась на другой бок.

Причина ее одиночества висела в шкафу, пахла старым халатом и звучала эхом ядовитых фраз. Но теперь у нее был план. И «Исполнитель», который, возможно, был опаснее, чем она предполагала. Или именно тем, что ей было нужно, чтобы наконец-то сломать стены своей идеальной, абсолютно одинокой крепости изнутри.

Глава 3

Три дня прошли в плотной оболочке вынужденной нормальности. Марго утопила себя в работе: чертежи будущего бизнес-центра, бесконечные согласования, переговоры с подрядчиками. Она приходила домой за полночь, когда сознание уже отказывалось порождать не только фантазии, но и связные мысли. Она не ответила на два звонка от подруг, отмахнулась от приглашения на вернисаж. Ее мир снова сузился до безопасных, предсказуемых контуров.

Но по ночам, в долине между сном и явью, его образ возвращался. Не лицо, а ощущения: тепло ладони на бедре, жесткость мышц под ее пальцами, вкус, который она так и не смогла определить. И главное — звук. Тот сдавленный, глубокий стон, который он издал, когда она приоткрыла рот под его поцелуем. Этот звук не был прописан ни в одном сценарии. Он был настоящим. И он преследовал ее.

Письмо с уточнениями он подтвердил сухо и профессионально: «Получил. Подтверждаю. Границы поняты». Ни слова о том, что было. Как будто того поцелуя, той минуты слабости и не было вовсе. Это и злило, и успокаивало. Значит, он тоже предпочитал делать вид. Значит, они могли продолжать. По правилам.

Новый сценарий — «Врач и пациентка» — она писала в состоянии холодной, почти научной отстраненности. Он был подробнее первого. Строже. Здесь уже не было места случайному касанию в баре. Здесь был прописан каждый жест, каждая реплика, вплоть до частоты дыхания. Это был ее ответ. Ее крепость, достроенная после первой брешки.

Место встречи осталось прежним — стерильная студия «Эврики». Но когда Марго вошла в нее в назначенное время, обстановка изменилась. Кто-то — он или обслуживающий персонал — подготовил площадку. В центре комнаты, под мягким светом софита (все остальное пространство погружено в полумрак), стояла кушетка, покрытая одноразовой медицинской пленкой с шуршащей поверхностью. Рядом — металлический столик на колесиках с муляжами медицинских инструментов: стетоскоп, неврологический молоточек, лоток. На стене позади кушетки висели плакаты с анатомическими схемами. Аромат бергамота сменился легким, холодным запахом антисептика.

Марго остановилась на пороге, оценивая работу. Было жутковато и... идеально. Декорации соответствовали ее описанию. Контроль начался уже здесь.

Он вышел из тени, из той части комнаты, где располагалась небольшая гардеробная. На нем был белый медицинский халат, надетый поверх темных брюк и простой темной футболки. Халат был слегка расстегнут. На груди — муляж бейджа. В руках — планшет. Он выглядел убедительно: усталый, сосредоточенный, немного отстраненный. Взгляд, которым он ее окинул, был беглым, профессиональным.

— Пациентка Соколова? — спросил он тем же низким голосом, но с новой, чуть резковатой интонацией.

— Да, — ответила Марго, входя в роль. Она снова была в «костюме»: на этот раз простая хлопковая блуза и юбка-карандаш, но без чулок. По сценарию, ей нужно было частично раздеться. Ее тело уже готовилось к этому — знакомый холодок страха и ожидания пробежал по спине.

— Проходите, садитесь. Заполните, пожалуйста, историю болезни, — он указал на кушетку и протянул ей планшет с открытой формой. Его пальцы не коснулись ее.

Она села на край кушетки. Пленка шуршала под ней. Она стала вводить данные: вымышленные симптомы — «бессонница, нервное напряжение, локальные мышечные спазмы в обла-

сти шеи и плечевого пояса». Истинная причина — «неспособность расслабиться, навязчивые мысли, потребность в контроле» — оставалась за кадром.

Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел в сторону, будто давая ей время. Но она чувствовала его внимание всем своим существом. Это было иначе, чем в баре. Там был флирт, игра. Здесь была власть. Врачебная, беспристрастная, пугающая своей потенциальной вседозволенностью.

— Готово, — сказала она, возвращая планшет.

Он взял его, изучил данные. Потом поднял на нее глаза. Взгляд был пронизательным, аналитическим.

— Опишите характер боли. Острая? Тупая? Ноющая?

— Скорее... сковывающая, — сказала Марго, следуя своему же тексту. — Как будто внутри панцирь.

— Панцирь, — повторил он задумчиво. — Интересная метафора. Ложитесь на живот, пожалуйста. Нужно оценить состояние паравертебральных мышц.

Она легла. Лицо уткнулось в круглое отверстие в изголовье кушетки. Она видела только пол и его ноги в темных ботинках. Шуршание пеленки было оглушительно громким в тишине. Затем она услышала его шаги, скрип колесиков столика. Он подошел сбоку.

— Расслабьтесь, — сказал он, и его голос прозвучал прямо над ней. — Сначала пальпация.

Его руки появились в ее поле зрения. Большие, с длинными пальцами, очень чистые. Они легли на ее спину поверх тонкой блузы. Первое прикосновение было легким, исследующим.

— Здесь напряжено, — констатировал он, нажимая чуть сильнее у основания шеи. Боль, приятная и реальная, заставила ее вздрогнуть. — И здесь. Вы правы — настоящий мышечный корсет.

Его пальцы начали двигаться — плавно, с профессиональным давлением, прощупывая каждый позвонок, каждую напряженную связку. Это было частью сценария: «врач проводит мануальную диагностику». Но в сценарии не было описано, какими теплыми окажутся его ладони, как точно они найдут каждый узел напряжения, как ее тело, вопреки ее воле, начнет отзываться на это вторжение не болью, а глухим, тревожным теплом.

— Дышите глубже, — скомандовал он, и его руки легли на ее лопатки, разводя их в стороны. Она вдохнула, и под его ладонями ее мышцы немного поддались.

— Хорошо, — пробормотал он, больше для себя, чем для нее. — Теперь нужно прослушать легкие и сердце. Придется приподнять блузу.

Это было по сценарию. И все же, когда его пальцы нашли край ее блузы и начали медленно задирать ее вверх, обнажая спину, Марго почувствовала, как все внутри сжалось. Холодный воздух коснулся кожи. Затем — тепло его взгляда. Он молча рассматривал ее обнаженную спину, и ей хотелось провалиться сквозь эту кушетку.

— Кожа чистая, — равнодушно отметил он, как будто осматривал образец. — Нет видимых патологий.

Затем она услышала, как он берет стетоскоп. Холодная металлическая груша коснулась кожи между лопаток. Она ахнула.

— Терпите. Дышите. Глубоко.

Он слушал. Перемещал стетоскоп. Его дыхание было ровным, спокойным. Ее собственное сердце колотилось так, что она была уверена — он слышит этот гул без всяких приборов.

— Сердечный ритм учащенный, — сказал он, и в его голосе впервые прозвучала едва уловимая, не врачебная нотка. — На фоне стресса, вероятно.

Он положил стетоскоп, и его пальцы снова легли на ее кожу, теперь уже без барьера ткани. Контакт стал другим. Более интимным, неумолимым.

— Нужно снять мышечный блок, — произнес он. — Я буду использовать приемы миофасциального релиза. Это может быть немного болезненно.

«Немного» оказалось сильнейшим преуменьшением. Его руки, сильные и знающие, впились в ее мышцы, разминая, растягивая, продавливая глубокие слои. Боль была острой, почти невыносимой, но за ней следовала волна странного, наркотического облегчения. Она застыла, уткнувшись лицом в отверстие.

— Терпите, — повторил он, и в его голосе появилась жесткость. — Расслабьтесь. Отдайтесь процессу.

«Отдайтесь». Эти слова прозвучали как приказ и как насмешка. Она пыталась сопротивляться, держать мышцы в напряжении, но его руки были неумолимы. Они ломали ее сопротивление, физически заставляя тело подчиниться. Слезы выступили у нее на глазах от боли и от унижительного, пьянящего чувства капитуляции.

Именно в этот момент, когда ее воля была сломлена болью, он сделал нечто, чего не было в сценарии. Одна его рука продолжала работать с мышцами плеча, а другая... скользнула ниже, к пояснице. Не для массажа. Его ладонь легла плашмя на ее обнаженную кожу чуть выше линии юбки, полностью накрывая поясничный отдел. Прикосновение было властным, обладающим. И оно замерло. Как метка. Как напоминание о том, кто здесь сейчас обладает властью.

Марго замерла. Боль отступила на второй план. Все ее существо сфокусировалось на этой точке — на тяжелой, горячей ладони, лежащей на самой уязвимой части ее спины. Она ждала, что он сдвинет руку, уберет. Но он не убирал. Он просто держал ее так, пока его другая рука продолжала методично разминать ее плечо.

— Лучше? — спросил он, и его голос прозвучал прямо у ее уха. Он наклонился так близко, что его губы почти касались ее кожи. От его дыхания по шее побежали мурашки.

Она не могла ответить. Она кивнула, чувствуя себя абсолютно беспомощной.

— Хорошо, — сказал он, и его ладонь на пояснице наконец сдвинулась. Но не убралась совсем. Она скользнула чуть вбок, к ребрам, скользнула медленно, почти ласкающе. — Теперь переворачивайтесь. Нужно проверить рефлекс и состояние передней группы мышц.

Ей потребовалось усилие, чтобы заставить себя перевернуться. Она лежала на спине, глядя в потолок, чувствуя себя невероятно обнаженной даже с полуприподнятой блузой. Он стоял рядом, смотря на нее сверху вниз. Его лицо в свете софита было невозмутимым, но в глазах, в этих серо-зеленых глубинах, что-то мерцало. Что-то темное и голодное.

— Поднимите руки над головой. Потянитесь, — скомандовал он.

Она подняла руки. Блуза задралась еще выше, обнажив нижнюю часть ребер, живот. Она зажмурилась.

Он взял ее руку, начал проверять суставные рефлекс, силу мышц. Его прикосновения были точными, техничными. Но каждый раз, когда его пальцы скользили по внутренней сто-

роне ее предплечья, по чувствительной коже локтевого сгиба, она вздрагивала. Он это видел. И, кажется, делал специально.

— Коленный рефлекс, — сказал он, доставая неврологический молоточек. — Расслабьте ногу.

Он присел на корточки рядом с кушеткой. Его рука легла ей на колено, чтобы зафиксировать ногу. Прикосновение сквозь тонкую ткань юбки было электризирующим. Затем она почувствовала легкий удар молоточком под коленной чашечкой. Нога дернулась.

— Рефлекс живуч, — пробормотал он. Его рука не убиралась с ее колена. Большой палец начал медленно, почти невесомо водить по внутренней стороне бедра, чуть выше колена. — Напряжение присутствует и здесь. Мышцы бедра в гипертонусе.

Это было уже совсем за гранью. Сценарий предусматривал проверку рефлексов, но не предусматривал такого... задерживающегося, исследующего касания. Но она не могла протестовать. Она была «пациенткой». Он — «врачом». И в рамках этой роли он имел право на диагностику.

— Нужно проверить чувствительность кожных покровов, — сказал он, и его голос стал тише, интимнее. — Закройте глаза. Скажите, где я касаюсь.

Она закрыла глаза, отдавшись на волю темноты и ожидания. Первое прикосновение — кончик его пальца на щиколотке.

— Щиколотка, — выдохнула она.

Другое — на внутренней стороне икры.

— Икра.

Третье — выше, на внутренней стороне бедра, всего в паре дюймов от линии белья.

Марго задержала дыхание. Там. Это было уже не просто диагностика. Это была пытка и соблазн одновременно.

— Внутренняя поверхность бедра, — прошептала она, голос почти сорвался.

— Правильно, — сказал он, и палец не убрался. Он остался там, легким, жгучим пятном. — Чувствительность в норме. Но есть признаки вегетативной лабильности. Учащенный пульс. Прерывистое дыхание.

Он медленно поднялся, снова оказавшись над ней. Его руки легли на кушетку по обе стороны от ее головы, замыкая ее в пространстве между его руками. Он наклонился так близко, что их носы почти соприкоснулись. Его дыхание смешалось с ее дыханием.

— Пациентка Соколова, — произнес он тихо, и в его голосе не осталось ничего от врача. Там был только Лео. — Ваш основной симптом — это не мышечные спазмы. Это страх. Страх потерять контроль. Страх позволить себе почувствовать. И этот страх парализует вас сильнее любого панциря.

Марго открыла глаза. Она смотрела прямо в его глаза, тонула в этом серо-зеленом море, которое видело ее насквозь.

— Что... что вы предлагаете, доктор? — спросила она, и ее голос был хриплым от подавленных эмоций.

— Радикальную терапию, — ответил он, и его губы тронулись в едва уловимой улыбке. — Нужно пережить травмирующий опыт. Но в контролируемых условиях. Где вы будете в безопасности. Даже если вам так не покажется.

Он не двигался. Он ждал. Это был момент выбора. Не прописанный ни в одном сценарии. Она могла оттолкнуть его, вскочить, прекратить этот сеанс, назвав его непрофессиональным.

Но она не сделала этого. Она лежала, пригвожденная к кушетке его взглядом и тем диким, всепоглощающим любопытством, что пульсировало в ней самой. Что будет, если не остановиться? Если позволить этому «врачу» провести свою «радикальную терапию»?

— Я... согласна, — выдохнула она.

Это были два слова, которые сломали все дамбы.

Его губы нашли ее губы без промедления. Но это был не тот исследовательский поцелуй из «бара». Это был жесткий, требовательный, властный поцелуй. Поцелуй-захват. Он одной рукой придерживал ее лицо, а другой нашел край ее юбки и резко задрал его вверх. Хлопок расстегивающейся молнии прозвучал как выстрел. Холодный воздух и тепло его ладони одновременно коснулись ее обнаженных бедер.

Марго вскрикнула в его рот, но не от страха. От шока от собственной отдачи. Ее руки взметнулись, не чтобы оттолкнуть, а чтобы вцепиться в его плечи, в складки белого халата. Она притянула его к себе, отвечая на поцелуй с яростной, отчаянной силой, которой в ней не было никогда — даже с Дмитрием в лучшие, редкие моменты.

Его халат, его футболка мешали. Она рванула халат на себя, срывая пуговицы. Он помог ей, скинув его одним резким движением. Футболка последовала за ним. И вот его кожа, горячая, гладкая, под ее ладонями. Мускулы спины, плеч, играющие под ее пальцами. Он был реальным. Осязаемым. И он хотел ее. Это было очевидно в каждом жестком изгибе его тела, прижатого к ней.

Он оторвался от ее губ, его дыхание было тяжелым, прерывистым.

— Скажи «стоп», и все прекратится, — прохрипел он ей в ухо. — Это твое правило. Твое единственное правило сейчас.

Она качала головой, не в силах вымолвить слово. «Стоп» было последним, что она хотела сказать. Она хотела сказать «далее», «сильнее», «не останавливайся». Но слова умерли, превратившись в стон, когда его рука нашла ее под тканью белья, влажную и готовую для него.

Все, что было потом, стиралось в водовороте ощущений. Шуршание пеленки под ее спиной. Жесткость кушетки. Вес его тела. Горячее, влажное соединение, которое сначала было болью (она так давно никого не впускала), а потом стало чем-то невообразимым — заполнением пустоты, взрывом цвета в черно-белом мире, сломом плотины, за которой хлынула река запретного, дикого наслаждения.

Он двигался сильно, глубоко, без сантиментов, но с той же хирургической точностью, с какой до этого искал ее мышечные блоки. Каждый толчок был прицельным, попадающим в самую суть ее напряжения, заставляя его таять, превращаться в судороги удовольствия. Она не кричала. Она рычала, кусая его плечо, царапая ему спину, полностью отдавшись животному инстинкту, который так долго держала в цепях.

Он наблюдал за ней. Даже в этот момент, когда его собственное лицо было искажено наслаждением, его глаза были открыты и смотрели на нее. Видели, как она теряет контроль. И в его взгляде не было насмешки Дмитрия. Было... удовлетворение. Одобрение. Как будто он добился того, чего хотел.

Когда волна накрыла ее, она не увидела свет. Она погрузилась в темноту, в оглушительный, всепоглощающий грохот собственной крови в ушах. Ее тело выгнулось, содрогнулось в немых конвульсиях, и она плакала, не понимая, от боли или от освобождения.

Он последовал за ней почти сразу, с низким, сдавленным рыком, вонзившись в нее до предела и замирая.

Тишина. Только звук их хриплого, неровного дыхания. Запах пота, кожи, секса, перебивающий запах антисептика.

Марго лежала с закрытыми глазами, чувствуя, как ее тело, ее разум медленно собираются из осколков. Она была опустошена. Разобрана на части. И в этом опустошении была странная, пугающая чистота.

Он осторожно отделился от нее, встал. Она слышала, как он поднял с пола одежду. Через минуту он уже стоял рядом, одетый в свои темные брюки и футболку, халат висел на стуле. Он протянул ей ее скомканную блузу и юбку.

Она села, не глядя на него, машинально натягивая одежду. Ее руки дрожали. Все внутри дрожало.

— Марго, — сказал он тихо.

Она подняла на него глаза. Он смотрел на нее серьезно.

— Это был сеанс? — спросила она, и голос ее был чужим. — Или...

— Это была терапия, — перебил он. — Первая сессия. Потребуется еще несколько.

— По чьему сценарию? — выдохнула она, чувствуя, как новая, ледяная волна стыда накрывает ее. Она снова ничего не контролировала. Абсолютно.

— По-нашему, — сказал он просто. — Тому, который мы пишем прямо сейчас. Он опаснее вашего. Но, возможно, эффективнее.

Он подошел к столику, взял с него бутылку воды, открутил крышку и протянул ей. Она выпила, чувствуя, как холодная жидкость обжигает горло.

— Я пришлю вам время следующей встречи, — сказала она, уже своим деловым тоном, собирая сумку.

— Буду ждать, — кивнул он.

Она вышла из студии, не оглядываясь. Но на сей раз она не чувствовала желания бежать. Она шла медленно, прислушиваясь к своему телу. К боли в мышцах, к глухой пульсации внизу живота, к странной, невесомой пустоте в голове.

Он назвал это терапией. Перепроживанием травмы. Но, она не перепроживала боль от Дмитрия. Она проживала что-то совершенно новое. Что-то, что оставило на ее коже синяки, а в душе — тревожный, нестерпимый вопрос: кто кого ведет в этой игре? И к какому финалу?

Ее телефон вибрировал в сумке. Уведомление от агентства «Эврика»: «Счет за сеанс №2 оплачен. Спасибо за сотрудничество».

Она отправила сообщение в ответ. Не Лео, а в общий чат с менеджером.

«Готовлю описание сценария №3: „Учитель и нерадивая ученица“. Требуется элемент психологического давления и дисциплины. Запрос на следующие выходные».

Она снова строила стены. Прописывала правила. Но теперь она знала — эти стены были из песка. А правила пишет не только она. Игра вышла на новый уровень. И отступить было уже поздно.

Глава 4

Тишина в ее квартире после «терапии» в кабинете врача была иного качества. Раньше это была тишина крепости, выверенной и безопасной. Теперь это была тишина поля боя после сражения, когда дым еще стелется по земле, а в ушах стоит звон. Марго не могла сосредоточиться. Ее пальцы, обычно такие точные и уверенные на клавиатуре или с карандашом, дрожали, роняя бумаги. Взгляд соскальзывал с чертежей, уплывая к окну, где городские огни мерцали, словно подмигивая ей с ироничным знанием.

Она пыталась анализировать, как анализировала бы неудачный проект. Что пошло не так? Все. Она допустила эмоциональное реагирование. Перешла от коммерческой сделки (услуги за деньги) к чему-то личному, опасному, неконтролируемому. Лео переступил все границы. Нет. Она сама позволила ему это сделать. Сказала «согласна». Это было ключевой ошибкой.

«Нужно вернуть контроль, — твердил внутренний голос, голос ее прежней, непоколебимой себя. — Нужно поставить его на место. Четко обозначить рамки».

Новый сценарий — «Учитель и нерадивая ученица» — рождался в муках. Она писала его ночами, в холодном свете настольной лампы, чувствуя, как каждая строчка становится не инструкцией, а полем битвы. Она строила ловушку. Для него? Для себя? Сценарий был жестким, почти жестоким. Роль учителя — требовательного, беспристрастного, карающего за малейшую ошибку. Ее роль — провинившейся, но внутренне бунтующей ученицы, которая бросает вызов авторитету. Она давала ему власть, но власть строго регламентированную, упакованную в десятки пунктов и подпунктов. «Дисциплинарные меры допускаются, но только после троекратного устного предупреждения и в формате, оговоренном в Приложении А». Она прописала даже тон голоса («сухой, без эмоциональной окраски») и допустимую дистанцию («не менее одного метра вне моментов дисциплинарного воздействия»).

Отправив сценарий, она почувствовала минутное облегчение. Теперь все будет по правилам. Ее правилам. Он — инструмент. Она — архитектор процесса.

Ответ пришел не от него, а от агентства, с подтверждением и стандартной благодарностью. Лео молчал. Это ее злило. Почему он не комментирует? Не протестует против такого количества ограничений? Или он просто принимает их, как принимал предыдущие, чтобы затем снова разбить в щепки?

Встреча была назначена не в студии, а в нейтральном месте, которое она выбрала сама — конференц-зал в бизнес-центре, который ее бюро проектировало. Он был пуст по выходным. Стеклопакетные стены, длинный полированный стол, стулья на колесиках, вид на спящий деловой квартал. Это была ее территория. Ее мир.

Она пришла раньше, чтобы освоиться. Надела форму «ученицы» — строгую белую блузу и плиссированную серую юбку чуть выше колена, гольфы, туфли на низком каблучке. Волосы в две жесткие, тугие косы. Без макияжа. Выглядела молодо, уязвимо и обманчиво невинно.

Он вошел ровно в назначенное время. И снова — перевоплощение. На нем были очки в тонкой металлической оправе, темные брюки, чуть потертые на коленях, рубашка с закатанными до локтей рукавами и строгий, слегка помятый пиджак. В руках — папка с бумагами. Он выглядел как усталый, слегка раздраженный университетский преподаватель. Его взгляд, скользнувший по ней поверх очков, был лишен и тени того животного тепла, как это было в «кабинете врача». Он был холоден, сосредоточен.

— Садитесь, — сказал он, указывая на стул в центре комнаты, не здороваясь. Его голос был ровным, педагогически-бесцветным. — Ваши домашние задания и конспекты прошлых лекций.

Марго села, подавив странный импульс подчиниться молча. Она была «бунтаркой». По сценарию.

— Я их не сделала, — заявила она, поднимая подбородок.

— Обоснуйте, — он поставил папку на стол, не отрывая от нее глаз.

— Они бессмысленны. Вы требуете зубрежки дат и формул, не объясняя их практического применения. Это не образование, это дрессировка.

Она произнесла заготовленную реплику, наблюдая за ним. Он медленно снял очки, протер их платком. Его лицо казалось уставшим и разочарованным.

— Ваша позиция типична для неуспевающих учеников. Обвинить систему, вместо того чтобы признать собственную лень и неспособность к концентрации. Встаньте.

Она встала. Он подошел ближе, нарушая дистанцию в метр, оговоренную в сценарии. Но это было «дисциплинарное воздействие», оно допускалось. Он остановился в полушаге, заглядывая ей в лицо.

— Вы считаете себя выше правил? Умнее установленного порядка?

— Я считаю, что слепое подчинение убивает мысль, — парировала она, чувствуя, как нарастает знакомое напряжение. Игра началась.

— Мысль, — он усмехнулся, коротко и беззлобно. — Какая мысль может быть в голове, которая отказывается воспринимать основы? Порядок — фундамент. Вы пытаетесь построить замок на песке эмоций и бунта. Руки вперед.

Она, следуя сценарию, протянула руки ладонями вверх. В сценарии было: «Учитель проверяет чистоту рук и наличие конспектов». Но Лео не посмотрел на ладони. Он взял ее руки в свои, его пальцы сомкнулись вокруг ее запястий. Прикосновение было твердым, сковывающим. Не больно, но неоспоримо.

— Вы не готовы к дискуссии, — сказал он тихо, глядя на их соединенные руки, а потом поднял взгляд на нее. — Вы готовы только к конфронтации. Это детская позиция. И за нее полагается наказание.

Он повернулся, ведя ее за собой к столу, все еще держа за запястья. Марго позволила, сердце бешено колотясь. Это был сценарий. Все шло по плану. Наказание было оговорено: несколько ударов линейкой по ладоням. Символических, не больно. Демонстрация подчинения.

Но у стола он остановился. И отпустил ее запястья.

— По сценарию, — произнес он вдруг своим обычным, не-учительским голосом, — я должен отшлепать вас за невыполненное домашнее задание. Линейкой. По рукам.

Она кивнула, сбита с толку его выходом из роли.

— Но ваш сценарий, Марго, — это опять побег, — продолжил он. Он говорил тихо, но каждое слово падало, как камень. — Вы снова пытаетесь контролировать боль, контролировать унижение, упаковать его в безопасную, ритуализированную форму. Вызываете гнев учителя,

чтобы получить предсказуемое, дозированное наказание. Это не бунт. Это просьба о дисциплине. Самая что ни на есть инфантильная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.